

БОЛЬ - ЗА ВСЕХ!

Поэма

**Нельзя построить счастье
человечества ценой слез ребенка.
(Из Ф.М. Достоевского)**

1

Нагрушусь, наплачусь над бедою
и уйду в теплынь родных полей.
Там очищусь, выпрямлюсь душою
на могилке матери моей.

Наберусь упорства и терпенья
и начну увереннее жить,
чтобы мировое потрясенье
не смогло с пути меня сшибить.

Горизонт покрылся гарищ палом.
Суслик «воду мутит» из норы.
Змей берет не силою, а жалом.
Бьет стервятник с неба, как с горы.

Он склевал глаза у идеала.
И мечта, что в голод мужики,
от больших оброков отошала.
Но тучней стают временщики.

Не хочу, чтоб гибло благородство,
рубль шуршал коварством и хулой,
вызывало наглый смех уродство,
ерничала зависть за спиной.

Чтобы дети старших спесь познали,
нищетою вгоняемые в грязь.
Ну а тех, кто тянет воз - хлестали,
трехэтажно лаясь и бранясь.
Нагрушусь. Наплачусь. И открыто
с плеч усталых сброшу ношу зла.
Ничего, что в кровь лицо разбито -
только бы душа была цела!

Только бы...
Но в жизни все непрочно.
Угадать попробуй виражи...
Вот и снова выпренно и склочно
святость правды строится на лжи.
Ловкие, солиднейшие дяди,
золотого отпрыски тельца,
будущее,

славы своей ради,
строят на трагедии мальчика.

Люди!.. Люди!..
Совесьть душу плавит.
Плачет сердце каждою строкой.
Ты прости нас всех,
Морозов Павлик,
в клевету поверивших легко.
Честная, завидная натура -
весь, как пламя праведной свечи.
Не отца ты предал -
самодура,
вора, казнокрада обличил!

2

С похмелья. Опухший.
Губа - крива.
Рассол хлебает ведерной дозой
хозяин Герасимовки - голова,
Сергеич Трофим Морозов.

Смотрит на мир -
репей в бороде.
Брови - собаками на переносице.
Он крепко держит село в узде.
В районе верхи с ним носятся.
Он - первый вояка в борьбе за хлеб.
Непробиваем.
Рука крепка.
У куркуля на подворье - слеп
и зорек - у бедняка.

Мздоимец, хапуга,
до баб охочий,
доверья людей предатель.
Жену избивать мог с утра до ночи -
совета сельского председатель.

Ему свои судьбы народ доверил,
а он разнуздался, надут, что квочка.
Вкус власти почувствовал
в полной мере:
- Я - советская власть,
и точка!
Казалось, и правды на свете нет.
Отец для детишек - зверь.
А старшему Паше - тринадцать лет

и он не кто-нибудь - пионер!

Не раз налетал на кулак отца:
- Маму не дам губить! -
И сбитый ударом, летел с крыльца,
готовый от боли выть.

Трофим Морозов - и Царь, и Бог!
Взятки брать не стеснялся.
Он все под себя подгробал, что мог,
пока на горяченьком не попался.

О, борзописцы!
В любой беде
найдете себе рекламу.
...И Павлик выступил на суде
за братьев своих, за маму.
За батраков и ребят-друзей,
чьи бледность снедала лица.
Кто даже своих не имел лаптей,
но очень хотел учиться.

Он смело сказал - горячо, не зло:
грудь галстука грела алость,
о том, что знало давно село,
но вслух говорить боялось.

Как в цыпках,
нахрапистая рука
почувствовала свободу.
И с вонью сивухи и табака
полезла в карман народу.
О, гуманисты! О, мыслей форс!
Порассуждать о добре - спецы.
Ну разве правду сказать - донос
о том, что порою творят отцы?!

3

Читаю архивы. В груди заныло.
Осока. Болото. Туман - ужом.
Дед Сергей и кулак Данило
перестревают ребят
с ножом.

- Ну что, собиратели клюквы?
Беден
ваш кузовок!..
И кистень под дых!

Паше - тринадцать,
а восемь - Феде.
Куда им против верзил таких!

От горя вокруг травостой пожелк.
Иного и нет решенья:
за то, что против отца пошел -
не миновать отмщенья!

За соснами вечер волчицей взвыл.
И в солнца лучей окладе
лик Божьей Матери проступил
в тайги посмурневшем взгляде.
Луна скатилась слезой в сушняк,
увиденному не рада.
И мхом на болоте покрылся мрак,
на убиенных глядя.

О, борзописцы!..
Пером, как финкой -
Павлика с Федей,
не в грудь, а в спину,
после удара в висок дубинкой,
сегодня докалываете, как скотину!

«Детоубийцам - высокий ранг!
Не преступление в них - дерзанье!»
Помои вылили на ребят
ради нравственного воспитанья.

Уши заткнул.
Побледнел, что смерть.
Но слышу!.. Слышу - на стресса грани:

«Прощенье - убийцам! А детям - нет!
Павлик Морозов - опасен крайне!

Для демократии он - беда!
К мышлению новому в нем -
преграды!..»
Павлик Морозов опасен. Да!
Для тех, кто боится правды.

...Безмолвья оскал.
И ножа печать...
Вот так, бултыхаясь в мути,
нравственно можем мы одичать,
знать не желая сути.

Нас времени ветер

хлестнул свинцом,
но только давайте не лить еля.
Страшно порой обличать отцов,
судить неподсудных - еще страшнее!

Эпилог

...Рассыпана клюква.
Дорога. Лес –
в сгусток кровавый
слились невольно.
И Павлик стоит -
беззащитный весь.
И за всех нас ему -
очень больно!

Август 2006 г.